

Вера Фролова

ИЩИ МЕНЯ В РОССИИ

ДНЕВНИК
«ВОСТОЧНОЙ РАБЫНИ»
В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ
1944–1945

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ф 91

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

В тексте использованы иллюстрации из семейного альбома автора.

Фролова В.

Ф 91 Ищи меня в России. Дневник «восточной рабыни» в немецком плену. 1944–1945 / Вера Фролова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 704 с. + вкл. (16 с.). — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31586-0

В 2005 году вышла в свет автобиографическая книга человека удивительной судьбы Веры Павловны Фроловой «Ищи меня в России». Выпущенная скромным тиражом 500 экземпляров, книга немедленно стала библиографической редкостью: в солидном томе вниманию читателей были представлены дневники, которые юная Вера вела в немецком плену с 1942 по 1945 год.

«Мне было 17 лет, когда пригород Ленинграда Стрельну, где я родилась и училась в школе, оккупировали немецко-фашистские войска. А весной 1942 года нацисты угнали меня с мамой в Германию, где мы стали „остарбайтерами“, иначе говоря „восточными рабами“...» — писала Вера Павловна в предисловии к первому изданию, предваряя этим сдержанным и лаконичным пересказом мучительно-страшных биографических фактов потрясающий по силе человеческий документ — свидетельство очевидца и участника одной из самых чудовищных трагедий XX века.

«После освобождения нас советскими войсками в марте 1945 года мы вернулись на Родину. Единственным моим „трофеем“ из Германии был тогда потрепанный соломенный „саквояж“ с пачкой дневниковых записей...» Написанные частично на бумажной упаковке от немецких удобрений, эти записи бережно хранились Верой Павловной всю жизнь и были лично подготовлены ею к публикации.

Летопись четырех лет жизни в неволе составила четыре части книги «Ищи меня в России». В настоящий том вошли третья и четвертая части дневника Веры Павловны Фроловой, охватывающие события 1944 и 1945 годов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-31586-0

© В. П. Фролова (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемый читатель, вы держите в руках во всех смыслах редкую книгу. В настоящем томе мы представляем вторую часть дневника Веры Федоровой (с конца 1940-х годов она носила фамилию супруга — Фролова) — школьницы из поселка Стрельна под Ленинградом, оказавшейся свидетельницей оккупации Стрельны в 1941 году, а затем в 1942 году увезенной вместе с матерью в Германию в качестве «остарбайтера» — бесплатной и бесправной рабочей силы. В 1945 году Вере и ее маме Анне Петровне Федоровой удалось вернуться домой; пощадила война и троих братьев Веры. В 2005 году тексты написанных в немецком плену юношеских дневников, подготовленные к публикации лично Верой Павловной, членом Союза журналистов, в содружестве с издательским домом «Ореос», были представлены читателю; скромный тираж первого издания составил всего 500 экземпляров и разошелся по библиотекам и ближнему кругу причастных.

Дневник Веры Павловны Фроловой — поразительный исторический и человеческий документ, по-настоящему впечатляющее свидетельство очевидца трагических событий, судьбоносных для огромного числа людей. Но, кроме того, это еще и замечательный по своим литературным качествам текст, за строками которого явственно проступает образ личности чрезвычайно светлой, одаренной замечательными душевными качествами, ясным умом, жизнерадостностью и остроумием.

Мы от души благодарим за неоценимую помощь в подготовке издания Ирину Павловну Шпачкову — дочь Веры Павловны Фроловой.

ЧАСТЬ III
1944 год

1 января
Суббота

Поздравляю тебя, моя тетрадь, а заодно и себя, с новой жизненной гранью. Вот и еще один, каторжный для нас год позади. И вновь на пороге юный, неизвестный, таинственный. Принесет ли он нам радость победы и освобождения от проклятой неволи, или по-прежнему мы останемся бесправными, униженными, ежедневно и даже ежечасно оскорбляемыми рабами? Очень хочется верить в свою счастливую звезду, только разгорится ли она на моем судьбоносном небосклоне, не потухнет ли, замордованная нацистским произволом, преждевременно?

Меня томят недобрые предчувствия. Во-первых, несколько дней назад я загадала вот что: новый, 1944 год будет таким, какими окажутся его первые часы. Если погода случится тихая, приятная, мягкая, то и год следует ожидать добрым, спокойным, миротворческим. Значит, уже вскоре должна окончиться эта ужасная война, людская кровь перестанет литься и мы, нынешние изгои, обретем наконец долгожданную свободу и встречу с любимой Родиной. Если же, наоборот, разразится непогода, то неминуемо продолжение кровавой бойни, а значит, будут новые тысячные и миллионные жертвы, а для нас — продолжение опустошительного вконец рабства.

Загадала и с тайным страхом ждала приближения рубежа, что отделяет старый год от нового. И вот вчера, 31 декабря, в общем-то, сносная в последние дни погода начала неожиданно и резко портиться, — к вечеру поднялся холодный северный ветер, полетел, закружил колючий снег. А к полуночи и вовсе разыгралась небывалой силы вьюга. Стекла окон почти непрерывно звенели

от бешеных порывов ветра, иногда казалось, что буран вот-вот унесет в тартарары крышу дома.

Это одно. А во-вторых, уже первые новогодние минуты принесли немало расстройств и душевных переживаний. Дело в том, что в нашем доме ни с того ни с сего была произведена жандармская проверка. Причем сразу стало понятно, что нацистские ищейки искали вовсе не лиц славянского происхождения, а именно тех, встречи с которыми для нас, русских, особенно запретны. Конечно же, это дело гнусного языка Эрны — кого же еще? Недаром, ох недаром же было у меня чувство, что она готовит для нас очередную пакость. Какая же я все-таки умница, что сумела предотвратить грозившую нам, а мне, естественно, в большей степени, огромную неприятность! Какое озарение свыше снизошло на меня, когда в своей записке к Роберту я не велела ему приходиться к нам в канун Нового года?

...Они ворвались в дом около полуночи — трое рослых, запорошенных с головы до ног снегом держиморд с железными бляхами на груди (странным, что среди них не было Квашника и что это оказалась не местная полиция, а фельджандармерия). В этот момент мы четверо — мама, Сима, Нина и я — были на кухне — поджидали ребят, которые ушли к Бангеру за Клавой и Михайлом, чтобы вместе встретить Новый год.

В дверь постучали. Думая, что это возвращаются наши, я, не задавая обычного вопроса — «Кто там?», — откинула крюк и в ту же секунду оказалась бесцеремонно отброшена к стенке. Они влетели в освещенную кухню (в комнате свет не горел), цепко огляделись вокруг. Один из жандармов ходом проследовал в кладовку, но тут же выскочил оттуда.

— Где ваши гости? Куда подевались? — заорал один из жандармов, по-видимому старший.

— Мы никого не прячем, — сказала я, войдя следом в кухню, и постаралась придать своей физиономии самое безмятежное выражение. — Нам непонятно, кого вы ищете.

Едва удостоив меня взглядом, жандармы гуськом спешно направились в комнату. А я вдруг вспомнила о своей елке, и меня тут же охватил страх: сейчас они увидят на ней то, от чего нам всем, безусловно, не поздоровится, — увидят прикрепленную к верхушке алую пятиконечную звезду, которую несколько

дней назад я с таким старанием мастерила. О Господи! Допустить такую оплошность, попасться так глупо!

Не решаясь последовать за непрошеными гостями, я, стоя в коридоре, с замиранием сердца ждала крика, угроз, брани. Но, к моему удивлению, ничего этого не последовало. Недоумевая, я заглянула в распахнутую дверь. Звезды не было. Елка, словно кто-то только что с силой тряхнул ее, неуклюже полулежала, ткнувшись верхушкой в спинку Симиной кровати. На полу, возле ее основания, валялось несколько осыпавшихся бумажных фонариков и гирлянд. Бледная Нинка стояла вблизи, у окна, судорожно сцепив за спиной руки. Я догадалась — это она, Нинка, сорвала злополучную звезду и теперь, не зная, куда ее деть, прячет сзади. Но как этой пигалице удалось в суматохе первой проскользнуть в темную комнату? Как она, несмышленная девчонка, раньше всех из нас вспомнила о пятиконечной улике и догадалась о грозящей всем нам опасности? Как, наконец, не струсилa, не оробела перед этими громилами с железными бляхами?

Безмерно благодарная Нинке, я, словно бы невзначай, встала рядом с ней, постаралась прикрыть ее сбоку. Между тем сконфуженные слегка жандармы — ведь не нашли никого! — прицепились к накрытому (правда, весьма скудно) столу. Мол, почему здесь лишние приборы? Кого мы еще ждем к себе? Кто из иностранцев должен прийти сейчас сюда?

— Никого из иностранцев у нас никогда не бывало и не может быть! — твердо сказала я. — А ждем мы своих же, русских, что живут вместе с нами. Они сейчас придут. С полчаса назад хозяин позвал их в усадьбу.

Тут-то как раз и раздалась на крыльце оживленные голоса, топот отряхиваемых от снега ног, чей-то короткий смех. Жандармы, в позе учувявших след доbermanов-пинчеров, с нескрываемым охотничьим азартом на рожах усталились на дверь.

Она отворилась, пропуская удивленно-испуганных присутствием нежданных, а тем более нежелательных посетителей, Мишку и Леонида. За ними показались не менее удивленные и испуганные физиономии Клавдии, Нины и Михаила (я опасалась, что ребята прихватят с собой, — как это часто уже случалось, — и живущего у Бангера поляка Яна, но, к счастью, его не было видно).

— Та-ак! Это что еще за компания? — грозно рявкнул старший из жандармов, а двое других проворно высочили в коридор, отрезая нашим гостям путь к бегству. — А ну, говорите, кто тут свой, а кто чужой? Разве вам, восточникам, неизвестно, что вечерами вы должны сидеть по домам и носа на улицу не высывать?! Сейчас все отправитесь в участок, а там с вами разберутся!

— Тут все свои, — нерешительно начала было я, но Клава, трезво оценив обстановку, перебила меня.

— Мы трое, — она ткнула пальцем в себя, в Нину и в Михаила, — живем и работаем по соседству, у господина Бангера. И мы вовсе не тайком пришли сюда. Господин Бангер разрешил нам встретить Новый год с нашими друзьями. Вы можете справиться об этом у него.

— Разрешил... Это мы еще узнаем! — пробурчал жандарм (видимо, фамилия деревенского предводителя гестапо как-то подействовала на него). — Но, как бы там ни было, вы трое сейчас же отправитесь домой. Зофорт! И запомните: для всех «восточников» без исключения правила едины. Попадётесь здесь еще раз — разговор уж другой будет. Все! Вег, вег... Лось!

Так и ушли наши гости несолоно хлебавши, даже не переступив порога комнаты. Вслед за ними удалились и жандармские держиморды. Перед уходом они еще поорали на нас (особенно почему-то на меня), грозили — за то, что принимаем гостей, посадить всех на недельку-другую в «холодную», а при повторном нарушении правил — даже упечь кое-кого в концлагерь.

Наступивший вскоре Новый год мы встретили понуро, не весело. Некоторое оживление внесла своим рассказом Нинка. Она, оказывается, вспомнила о звезде на елке и проскользнула незаметно в комнату, когда жандармы были еще в кухне. Щелкнуть выключателем не решилась, сорвала звезду впотьмах (поэтому и елка свалилась со своей подставки). Затем, опасаясь привлечь к себе внимание, не пошла обратно, в кухню, а спряталась, замирая от страха, между дверью и двухэтажной кроватью ребят. Когда же жандармы вошли в комнату и зажгли свет, они не увидели Нинку, так как распахнутая дверь заслонила ее. Это она уже позднее незаметно выбралась из своего укрытия и встала возле

окна. Нинка так крепко сжимала в руках злополучную звезду, что на коже надолго остались белые рубцы. Хвастаясь, она демонстрировала всем свои ладошки и прямо-таки купалась в низвергающемся на нее потоке заслуженных похвал. Ай да Нинка! Ай да наша умница-разумница! Ну надо же, какая она смышленная да проворная!

А я... а я, надо признаться, совсем упала духом. Ведь это только из-за меня нагрянула к нам с облавой жандармерия, и только по моей милости так скучен, невесел наступивший новогодний праздник. Вдобавок Мишка сказал серьезно, без обычного ехидного подтрунивания: «А я знаю, ту, май-то, кого искали эти „лягавые“ — конечно, не посторонних „остарбайтеров“ и даже не поляков». Он в упор уставился на меня: «Кому-то из нас следует, май-то, крепко поостеречься!»

Эта Мишкина реплика вроде бы осталась без внимания, но уже позднее, когда я мыла в кухне посуду, мама, прикрыв плотно дверь, сказала мне: «Вот что. Запомни сама и передай своему английскому приятелю, чтобы он никогда больше не появлялся здесь. Никогда! Я категорически запрещаю!»

Вот так. Категорически... Ох, как смутно, погано и гадко на душе. Вдобавок еще этот буран... Слушая тоскливое завыванье ветра за окном, и самой хочется заголосить в голос, завывать, как волк. Зачем я загадала эту дурацкую примету? Неужели и впрямь грядущий год не принесет мне ничего-ничего светлого и отрадного?

Непогода продолжается и сегодня. Уже почти сутки не стихает снежная выюга. Возле нашего крыльца вырос огромный, дымящийся стужей сугроб. Стекла окон по-прежнему временами тонко звенят под ураганными порывами ветра, сквозь них ничего не видно, кроме сплошной снежной круговерти. В доме сумрачно и холодно, как в погребке, хотя на дворе еще день, да и камин только недавно протопили.

Я сижу в одиночестве в своей кладовке, укутанная маминым теплым платком, в наброшенной на плечи Мишкиной ватной «куцавейке». Пристроенная под подоконником лампа под зеленым треснувшим колпачком то и дело мигает, словно смертельно устала, словно выбивается из сил от моей писанины. В щели

окна, хотя оно и занавешено одеялом, зверски дует, так что мерзнут сжимающие ручку пальцы, и мне приходится периодически их отогревать, засовывая руки под теплую «куцавейку».

До обеда я написала о событиях вчерашнего дня, сейчас продолжаю свою исповедь. Наши ребята ушли в «Шалман». В прошлый раз оба Ивана — Великий и Черный — усердно звали нас первого января к ним в гости. Сегодня Ваня-Черный даже специально прибежал за нами. Я и пошла было с ним, с Мишей и с Леонидом, но, не доходя до железнодорожного переезда, несмотря на настоятельные Ванины уговоры, вернулась обратно. Просто невозможно было шагать — дорога сплошь в сугробах, снег по колено, да и ветер буквально с ног валит. Ничего себе, погодка разгулялась, такого мне еще не приходилось здесь, в Германии, видеть.

Сегодня, по-видимому, из-за урагана никого из посторонних у нас не было. Даже новоиспеченные «почтальоны», братья — Генка с Толькой, не явились. И, как всегда, в одиночестве потянуло к воспоминаниям, и, конечно же, опять о том, что происходило давным-давно, в той милой сердцу «потусторонней» российской жизни. Вспомнилась вдруг встреча последнего перед войной Нового, 1941 года. Ах, каким же радостным, веселым был тот праздник! Мы, девятиклассники, сговорившись, явились на вечер в маскарадных костюмах. Я и Нюра решили нарядиться цыганами. На мне была хрустящая, переливающаяся бордово-васильковыми цветами старинная шелковая кофта с огромными буфами на рукавах и широченная черная юбка, которые мама позаимствовала по моей просьбе из находящегося в забвении на чердаке бабушкиного сундука. Собранные на затылке в пучок волосы скрывались под маминой кружевной черной накидкой.

Нюра щеголяла в отцовских брюках «навыпуск», заправленных в хромовые сапоги, и в красной рубашке, перехваченной в талии цветастым кушаком, под который был приторочен обыкновенный пастуший кнут. На голове — высокая отцовская каракулевая папаха, под нее мы не без труда спрятали ее золотистую косу.

Мы вошли с ней в зал в самодельных, закрывающих глаза и носы черных масках, и нас долго-долго никто не мог узнать. До тех пор мы были «инкогнито», пока — я с картами в руках, — расхраб-

рившись, не подошли к стоящему возле лестницы нашему заучу: «Молодой, красивый, дай, погадаю, — утробным контральто обратилась я к Созонту Исааковичу, — расскажу тебе обо всем, что было и что ждет тебя...»

А он неожиданно узнал меня по голосу, хотя я так старалась его изменить! Засмеявшись, взял меня за руку: «Понятно — это Вера! — Он перевел взгляд на небрежно поигрывающего кнутом „цыгана“. — А это, значит, Нюра! Все ясно: где Вера, там и Нюра. А где Нюра, там и Вера... Ну-ка, снимайте, девчонки, маски — вы рассекречены!»

Ах, что это был за вечер! Мы так веселились, шутили, смеялись, словно предчувствовали, что больше такого в нашей жизни не повторится...

6 января

Четверг

Прошлые мои воспоминания пришлось срочно прервать, так как произошло непредвиденное. Сидя в своей кладовке, вдруг услышала громкий стук в дверь. По доносившимся ко мне голосам с удивлением угадала — это пришел во второй раз Ваня-Черный. Нинка заглянула в кладовку: «Иди, там тебя требуют».

Едва вошла в комнату, Ваня тотчас же заявил тоном, не допускающим возражений: «Быстренько, быстренько одягайся, и идем!»

— Куда идти, Ваня?

— Куды, куды!.. Да до нас! Витер вже трошки стихає, а хлопцы лаються, яз узналы, що ты назад повиртала. Скоринько, скоринько, пишли!

Ну что же. Пришлось «одягаться» и отправляться в гости во второй раз. Погода, на мой взгляд, и не думала успокаиваться, колючий снег по-прежнему залеплял глаза. Ваня шагал впереди, протаптывая в сугробах дорогу, о чем-то оживленно рассказывал, жестикулируя руками. Я старалась ступать по его следам, из-за порывов ветра не всегда могла расслышать, что он там говорил, но иногда невпопад поддакивала. Дошли благополучно.

В «Шалмане» уже все были в сборе, сидели за большим дощатым столом. Среди местных «арбайтеров» я увидела Ваню Болевского, Ольгу (толстую) и Галю от Клодта, Василия из Почкау. Свободное место нашлось рядом с Иваном-Великим. Сразу же

возле меня оказалась большая, слегка помятая сбоку жестяная кружка, в которую Иван щедро плеснул из стоящей на столе бутылки что-то мутное, с отвратительным резким запахом. «Бурачная брага», — пояснила мне через стол Ольга. Брр... Уф, как не хотелось мне к ней прикасаться! Но Иван произнес замечательный тост — и за Родину, за могучий народ наш выпила до конца.

Сразу закружилась голова, и на какое-то мгновение мне показалось, словно бы я плавно и грациозно плыву куда-то в мерцающую, голубую даль по зеленым волнам. Больше я уже не стала пить (хватило все же ума!), неверной рукой решительно отодвинула кружку в сторону, но, как мне сейчас кажется, вела себя, увы, не совсем благочинно и пристойно. Помню, что лихо «отхватывала» с толстой Ольгой какой-то немислимый танец. Потом Ольгу сменила Наталка, а после нее, уж совсем каким-то непостижимым образом, в паре со мной оказался Иван Болевский, и мы, азартно пристукивая каблуками, с буйными выкриками отплясывали с ним «краковяк». Затем пели хором русские и украинские песни, а потом я вдруг увидела себя в одиночестве, посередине накуренной комнаты, где, беспрестанно шмыгая носом и стирая ладошкой текущие по щекам обильные слезы, читала зачем-то притихшим слушателям то памятное для меня стихотворение Блока «Перед судом». Словом, показала себя! Во всей красе! Тьфу...

Но хочется думать, что все-таки меня можно простить — ведь первый раз оказалась на такой украинской пирушке, впервые и выпила столько хмельного зелья.

Домой мы заявили уже около одиннадцати, и вот тут я не выдержала — пластом упала на кровать. И сразу провалилась в преисподнюю, в ад, где постель, подушка — да что там подушка! — вся вселенная вертелась и крутилась в бешеном, грохочущем ритме, от немислимых звуков которого, казалось, треснут в ушах барабанные перепонки. (Слава Богу, что еще не уподобилась Лешке, когда он в прошлый раз «драл козла», а то — вот было бы позорище!)

Утром встала вся зеленая, разбитая. Хорошо, что было воскресенье, иначе просто не представляю, как явилась бы перед очами Шмидта, как отработала бы. Конечно же, пришлось выслушать длинную, нудную нотацию от мамы, где было много привычных,

высоких слов о девичьей порядочности и чести, а также приводились ужасные примеры падения нравственности и целомудрия, в результате чего настигали позор, всеобщее презрение. Ну, уж это она, конечно, слишком — о всеобщем позоре — и все же — поделом мне! Сейчас мне и самой-то стыдно перед собой, и чтобы я хоть еще раз прикоснулась к этой чертовой браге! Вот так и запишу здесь, и зарублю в своей памяти — НИ-КО-ГДА!!!

Ну, вот и все об этом. Как быстро летят дни — сегодня уже 6 января. Новостей (имеется в виду — отрадных) пока нет как нет. В газетах лишь общие, бодрящие немецкий народ фразы. Радио (сегодня вечером мы с Мишкой были у Гельба) тоже осторожничает, скупится вещать на те темы, которые нас всех так волнуют. Ну, что же, что там происходит?!

Частная новость. В воскресенье, 2 января, с утра приходили Степановы ребята с письмом от Роберта, в котором он радостно сообщал, что собирается вечером быть у нас. Я, естественно, ответила, что ни сегодня, ни в последующие дни ему к нам придти нельзя, рассказала о новогоднем визите фельджандармерии. На его вопрос: «Помню ли я, люблю ли его?», уклончиво ответила, что — да, помню, что рождественский вечер в памяти у всех нас и мы часто с теплотой вспоминаем обо всем, что было.

Моя записка, видимо, не удовлетворила Роберта, так как часа в два Генка и Толька вновь появились у нас. На этот раз в его письме содержалось настоятельное приглашение для меня — быть сегодня у Степана в пять часов. «Я должен вас видеть, иначе могу заболеть от тоски», — шутливо угрожал он.

Пришлось опять огорчить пылкого ирландца, что, мол, к сожалению, я не смогу выполнить его просьбу, так как по приказанию Шмидта должна вечером быть в усадьбе, где много работы. Понимаю, худо это — врать, но иначе ничего не могла придумать. В самом деле, не хватало еще появиться перед этими расфранченными британцами с помятой физиономией и за версту (ну, не за версту — так за метр) благоухающей бурачным бражным перегаром!

Кстати, опасаясь, что мои слова насчет «работы в усадьбе» — не такое уж вранье. Сегодня фольксдейтчиха Линда обмолвилась, что вскоре у нее предполагается отпуск на недельку-полторы — поездка к родным, в «Польску», — и что якобы фрау Шмидт на-

мерена на время ее отсутствия взять меня в качестве служанки в дом. Мол, вначале хозяева мыслили определить на эту должность Симу, но она плохо владеет языком, и, когда в прошлый раз Линда лежала в постели с ушибами ног, вследствие этого между хозяйкой и Симой произошло немало нелепых казусов.

Господи, только мне этого и недоставало — быть в господском доме подтирухой! Сима, конечно, молится сейчас о том, чтобы сия чаша миновала ее, но я еще надеюсь, что все-таки хозяйский выбор падет именно на нее. Ведь работоспособность, старательность и покорная безответность Серафимы, как не раз подчеркивали и сам Шмидт, и его фрау, несравнимы с моими работоспособностью и старательностью.

Ну ладно. Поживем — увидим.

9 января

Воскресенье

Прибыл в краткосрочный отпуск муж Эрны — коротенький (пожалуй, на полголовы ниже ее) толстячок по имени Фриц. Утром, когда я, натянув на себя свой неизменный «макинтош» и повязав голову маминым платком, развешивала белье в саду, он появился из-за угла дома — в овчинном тулупе, в русской шапке-ушанке и в теплых валяных сапогах, — остановившись молча позади, понаблюдал какое-то время за мной, потом вымолвил деловито: «Надо бы сюда защипки... Ветер сорвет — вся твоя работа насмарку».

Я промолчала. Сама знаю, что с защипками было бы надежней, да не хочется снова идти в дом Гельба. К тому же у них самих вчера тоже была стирка — до сих пор белье висит за садовой калиткой. И откуда такой советчик выискался? Шел бы своей дорогой...

— Значит, это ты с моей фрау постоянно ругаешься? — спросил вдруг толстячок и коротко кашлянул в кулак. — И еще нашей Дейтчланд недовольна, твердишь без конца, что в России тебе лучше жилось.

— Я?! С вашей женой? Извините, но...

— Да, да. С моей фрау. Тебя ведь Верой зовут, не так ли? А я — твой сосед, муж Эрны. Вот прибыл в отпуск, теперь наведу тут с вами порядок. — Он старался придать голосу строгость,

а из спрятавшихся в узеньких щелках неопределенного цвета глазок струилась насмешка. — То-то же! Ишь ты какая... Какая непримиримая — унферзенлихин... Ну, давай знакомиться. Меня зовут Фриц.

Я постаралась быть вежливой: «Гутен таг, господин Фриц. Вилькоммен — добро пожаловать в Маргаретенхоф».

— Гм... В Маргаретенхоф... Это имение, как тебе известно, принадлежит господину Шмидту. Только ему.

Мне вспомнилось вдруг, как когда-то Эрна с вождением мечтала хотя бы о двадцати моргах украинской земли, да в придачу еще и о парочке славянских рабов, что щедро обещал Гитлер в случае победы каждому защитнику Рейха, и подумалось — а теперь-то на что надеются эти «бравые солдаты фюрера», чего ждут теперь от него? И еще вспомнилось, как тогда же, в порыве справедливого негодования я от всего сердца пожелала ее мужу, явившемуся воровски и незвано в Россию, обязательно обрести там для себя два метра земли... Интересно, знает ли этот Фриц о том давнем нашем споре, передала ли Эрна ему и те мои слова?

— Вы сейчас из России или...

— Яволь. Откуда же еще? Но, благодарение Богу, после урляйба предстоит отправиться в другом направлении. Хватит! Нагляделся я вот так на твою хваленую Россию! — При словах «вот так» коротышка Фриц энергично провел ребром ладони по горлу, затем продолжил: — Я не в смысле того, что Россия в целом и в общем плохая страна. Она, конечно, невероятно, просто ужасающе бедна, но в то же время и невероятно, сказочно богата. Иной вопрос, как этим богатством там распоряжаются... Дело в другом — в крайне скверном русском характере, где перемешаны слепой патриотизм, жестокость, фанатичная любовь, непримиримость... Вот был я недавно в Скандинавии — там высочайшая культура, чистота, интеллигентность во всем. И война в тех местах, можно сказать, протекает тоже по-интеллигентски, — по крайней мере, знаешь, что вот там — передовая, а тут — тыл... В России же все перемешано, нет ни фронта, ни тыла. В любой момент, в любом месте при внешнем спокойствии тебя могут прирезать, подорвать, сжечь, распыть. Приходится без конца оглядываться, дергаться. — (Я поняла, что — да, — Эрна, конечно же, информировала своего Фрица о том моем давнем ему пожелании.)

— Словом, «блиц-криег» вам не удался...

— Не удался. Да... — Он внимательно посмотрел на меня. — А ты, я вижу, фрейляйн, просвещена во многих вопросах. И, правда Эрна, довольно дерзка... Ах!.. Ну я же говорил, что нужны прищепки! — Фриц ловко подхватил сорванное ветром полотенце, перекинул его вновь через веревку. — Хочешь, схожу в дом, возьму у Эрны?

— Не надо. Сейчас белье схватит морозцем — никуда не денется... Знаете, Фриц, я не дерзкая и вашу фрау Эрну никогда первая не задеваю. Она всегда сама начинает, говорит всякие гадости о России, нас, русских, откровенно презирует, старается уколоть побольнее. А ведь мы сюда, в вашу Германию, не по доброй охоте и не по своей воле прибыли. Уж вам-то это должно быть хорошо известно! — Я решила, коль уж подвернулся момент, выложить этому, облаченному в краденые русские вещи оккупанту все накопившиеся за долгое время претензии. — Кроме того, мы теперь точно знаем, что фрау Эрна связана еще и с полицией — докладывает там все о нас, то и дело грозитя упрятать всех в концлагерь. А за что? Ведь мы-то ей не делаем ничего плохого.

Коротышка Фриц заметно смутился от моих последних слов.

— Ну, про полицию это ты зря. Не может быть такого. Впрочем, я с женой поговорю и обещаю, что она изменит свое отношение к вам. Но и вы ее тоже поймите: одинокая женщина тянет из последних сил двоих детей, бьется в бедности, помощи — ниоткуда, кроме того, находится в постоянном страхе за мужа, что воюет в страшной для нее России. Поневоле озвереешь! А тут рядом — вы, русские, из-за которых, по ее понятиям, в доме все несчастья. Поймите же и вы ее...

Вот такой разговор состоялся сегодня с неожиданным моим собеседником, соседским Фрицем. Конечно, я могла бы возразить ему, что все несчастья и невзгоды в их дом, а также во многие и многие тысячи и миллионы семей разных национальностей навлекли вовсе не Россия и не русский народ, а их бесноватый фюрер, и они сами, немцы, позволившие с легкостью себя этому фюреру одурачить. Могла бы я и еще поведать кое о чем, видимо, ничего не подозревающему супругу — о том, например, что уж не так-то одиноко и тяжело живется фрау Эрне в его отсутствие и что не так уж она и бедствует здесь — ведь я сама несколько

раз замечала, как Шмидт, крадучись, в темноте проскальзывал в ее дверь с какими-то пакетами под мышкой... Могла бы, конечно, рассказать я об этом Фрицу, — только, опять-таки, — зачем? Вряд ли прибывшему в краткосрочный отпуск вояке станет от этого легче, а грязи, всяких пошлостей, наверное, и у него за душой не меньше. По крайней мере один его порок мне доподлинно известен — он вор и мародер! Ведь те тяжеленные посылочные ящики, которые Эрна, отдуваясь и отпыхиваясь, то и дело тащит с почты, присылает ей именно он, Фриц, и именно из «нищей России». Вот и сам полностью приоделся и приобулся там, на коварных русских просторах, ишь, как поскрипывает по снежку новенькими теплыми валенками...

Газета вновь ничем особым не обрадовала. Правда, заглянувший днем вместе с Янеком Зигмунд сказал, что слышал на днях от какого-то немца-отпускника, будто на Украине идут сейчас тяжелые бои, в которых гитлеровцы несут страшные потери. Наверное, оттого, что очень хочется верить, я сразу поверила и Зигмунду, и тому незнакомому отпускнику и, подражая высокопарным изречениям Павла Аристарховича, возликовала душой. Господи, великий Господи, помоги нашим! Поддержи их.

Кроме поляков Яна и Зигмунда, приходили также наши постоянные воскресные гости — Михаил от Бангера, вся «шалмановская братва», Павел Аристархович с Юрой. Уже к вечеру появились вдруг Василий из Почкау и Иван Бондарчук из Брондау — тот самый беглый Иван, что был когда-то в участке вместе с Николаем Колесником и Сергеем. У меня сердце больно подскочило к горлу, когда я его увидела. В мыслях мелькнуло: может быть, есть какое-нибудь известие? Но увы... Наоборот, Иван спросил у меня: «Ты еще ничего не получала от Кольки?»

Сердце мое вторично подскочило к горлу, щеки жарко загорелись. Он сказал — «еще». Не означает ли это, что Николай все-таки должен дать знать мне о себе, и Иван посвящен в его планы.

— Нет. Не получала... А что, он, Николай, говорил тебе, что напишет мне?

Иван качнул головой: «Да нет. Такого разговора у нас не было. Я просто подумал...»

Просто подумал. Лучше бы он и не приходил сюда! Лучше бы я его вовсе не видела и не слышала!

13 января

Четверг

Второй день заняты ремонтом амбара — верхней его части, заменяем пол в чердачном помещении. Мы с Симой подтаскиваем к новоиспеченным плотникам — Леониду и Мише — строительный материал — желтые, пахнущие сосновым лесом доски, спускаем вниз трухлявые половицы.

Сегодня мы с Мишкой решились — заглянули-таки в огромный, почерневший от старости ларь, что стоит накрытый пыльным, желто-серым брезентом в дальнем углу переднего отсека (он, этот ларь, уже давно не дает нам покоя — с тех пор, как чистили здесь прошлой зимой мак).

Замка на ларе не оказалось, и Миша, откинув брезент, поднял крышку. Господи, сколько же там скопилось всего — хранимого, наверное, столетиями! Надтреснутые цветочные горшки с засохшей по краям землей. Потемневшие бронзовые рамки от картин. Целая груда старой, поношенной мужской и женской обуви. Массивные медные дверные ручки. Обломанное с краю тонкое, изящной работы фарфоровое блюдо. Фигурный, в виде оскаленной волчьей пасти, набалдашник от трости. Старые керамические вазы. Вышедшие из употребления хозяйственные сумки, с оборванными или потертыми ремешками. Облезлые платяные и сапожные щетки. Коробочки с засохшей ваксой. Какие-то деревянные бруски с потрескавшейся лакированной поверхностью. Воров разного тряпья и еще многое-многое другое.

Мишу заинтересовали ножны от шпаги или, скорее всего, от кинжала, покрытые белой эмалью с тонкой металлической отделкой «под серебро». Вдоль узкого перехвата рукоятки была видна выполненная готической вязью, однако сильно деформированная надпись, которую мы при всем нашем старании не смогли разобрать.

— Ценная, май-то, штука! Наверное, принадлежала какому-нибудь псу-рыцарю — фон-барону, — прищелкнув языком, сказал Мишка и, отыскивая исчезнувший кинжал, почти до пояса нырнул в чрево ларя, подняв при этом облачко белой кисейной пыли.

А мое внимание привлекла довольно внушительных размеров книга в сильно потертом кожаном переплете, перевязанная

крест-накрест крученой бичевой. Раздвинув по возможности перевязь, я попыталась просмотреть толстые, воцеленные страницы. Шрифт оказался мне непонятен, однако по мелькающим красочным иллюстрациям можно было предположить, что содержание книги — религиозное. Странно. Первая, увиденная мной в Германии книга — и та хранится в пыльном, заброшенном ларе.

Мои размышления прервал негромкий Мишкин возглас: «Смотри-ка, совсем еще, ту, май-то, крепкие! И каблучки только чуть-чуть сношены. Вот я и займу их, конечно, без отдачи у Шмидта. — В руках Мишка вертел еще добротные, побуревшие от пыли мужские баретки с короткими оборванными шнурками. Скинув с ног клемпы, он проворно натянул баретки¹ на грязные, прохудившиеся носки, притопнул поочередно подошвами. На его чумазом от пыли лице расплылась довольная улыбка. Он весело подмигнул мне. — Как раз! Почти... Лишь немножко вот тут, в пальцах, жмут. Ничего, разносятся».

— Ты с ума сошел! — сказала я. — Ведь если этот жмот увидит на тебе свою обувь — совсем озверевает и «опсихевает».

— А пошел он, май-то, знаешь куда? — беспечно огрызнулся Мишка в ответ и деловито принялся заворачивать «одолженный» им трофей в подвернувшийся откуда-то клочок бумаги. — Сама подумай, это барахло будет здесь гнить, а у меня, май-то, уже скоро пальцы на ногах вывалятся. Кстати, я и не собираюсь демонстрировать их перед паном, — на работу хожу в клемпах, а эти так... в воскресенье куда пойти.

Я не рискнула уточнить, куда Мишка нацелился послать Шмидта, кроме того, в душе одобрила его действия. В самом деле, единственные Мишкины «выходные» ботинки совсем уже развалились, а бесчисленные починки только вконец обезобразили их.

Мы с Мишей, наверное, еще долго проторчали бы возле кладеза вышедших из употребления и находящихся в забвении вещей, но тут Сима тревожно кашлянула, а сидевший до этого в бездействии Леонид принялся громко стучать молотком (они оба были «на шухере»), и нам пришлось срочно захлопнуть ларь.

Едва мы успели отскочить на свои места, а Миша запрятать пакет с баретками под доски, послышался скрип лестницы. В от-

¹ Баретки — легкие мужские туфли.

ВЕРА ПАВЛОВНА ФРОЛОВА
ИЩИ МЕНЯ В РОССИИ
ДНЕВНИК «ВОСТОЧНОЙ РАБЫНИ»
В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ
1944–1945

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Юлия Теплова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.12.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 44,1 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-40846-01-R